

ПРЕДИСЛОВИЕ

Качественные исследования становятся все более популярной областью исследовательской практики в психологии и социальных науках. В последние десятилетия опубликовано значительное количество весьма серьезных работ, посвященных методологии качественных исследований [Квале, 2003; Мельникова, 2007; Улановский 2006; 2007; Charmaz, 2006; Creswell, 2007; Denzin, Lincoln, 2005; Miles, Huberman, 1994; Moustakas, 1994; Seale, 1999; Silverman, 2000; Stake, 2005 и др.]. Отметим, что в психологии качественные исследования отнюдь не являются изобретением последнего времени: они составляют важную часть традиции психологической науки — достаточно вспомнить психоаналитические исследования «психопатологии обыденной жизни», эффектов остроумия и других бессознательных феноменов в работах З. Фрейда, экзистенциально-феноменологический анализ случаев в работах Л. Бинсвангера, психобиографическое исследование «кризиса идентичности» молодого Лютера в известной книге Э. Эриксона, работу Б.М. Теплова «Ум полководца» и многие другие, да и метод «клинической беседы» и проективные методы исследования личности давно стали необходимой частью исследовательской практики и подготовки отечественных психологов. Особенность современной ситуации в другом: качественные исследования входят в методологическую фазу своего развития, характерными чертами которой являются философско-методологическая рефлексия оснований данного вида исследовательской практики, выраженный междисциплинарный характер проектов, широкое обращение психологии к методологическим поискам и достижениям таких дисциплин, как социология, культурная антропология, теория дискурса, социолингвистика и др., целенаправленная разработка и систематизация специфических методических процедур и развитие на этой основе университетских образовательных программ непосредственно по качественной методологии.

Качественные исследования — весьма разнородное исследовательское поле. Различны не только методы сбора данных и техники аналитической интерпретации, но и сами концептуальные подходы, в рамках которых выполняются исследования. Однако при этом, безусловно, существует и нечто общее, что позволяет относить качественные исследования, выполненные с опорой на весьма отличающиеся

друг от друга концептуальные подходы, к одному исследовательскому полю. Общее, о котором идет речь, — это отказ от квантификации данных, а также ориентация на интерпретативные техники работы с текстом, направленные на раскрытие заложенных в нем смыслов.

Итак, под «качественными исследованиями» мы будем иметь в виду исследования, в которых применяются нестатистические и неколичественные способы сбора и анализа данных [Семенова, 1998; Страусс, Корбин, 2007]. Для сбора данных могут использоваться методы наблюдения, интервью или беседы, всевозможные проективные вербальные и рисуночные методики, кроме того, для получения данных возможно обращение исследователя к материалу личных документов, дневников, писем, продуктов деятельности и т.п. Полученные таким образом данные анализируются путем применения различных техник аналитической интерпретации заложенного в них смысла (например, техник кодировки и категоризации, дискурс-аналитических техник, комплексных методов интерпретации и др.). Представление результатов может быть различным (в зависимости от ориентации исследователя на тот или иной концептуально-методологический подход), но, как правило, по стилю это близкое к обыденной или художественной речи описание с большим количеством цитат из устной или письменной речи респондентов, а по жанру — интерпретация, гипотезы или размышление об интересующем исследователя феномене [Семенова, 1998].

Ниже речь пойдет преимущественно о работе с вербальным материалом, хотя, безусловно, только им качественные исследования не ограничиваются. Для достижения определенных научных целей мы можем использовать и различные невербальные (например, рисуночные) методики и подвергать их качественной интерпретации. Наш выбор работы с вербальным материалом обусловлен по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, в мировой социальной науке качественные исследования традиционно имеют дело с вербальными данными — именно сбору вербальной информации и интерпретации полученного текстового материала посвящена значительная часть изданных на сегодняшний день пособий по качественным исследованиям. Второе же обстоятельство вполне личное — предпочтение автора работать именно с текстами, а не с рисунками. Кроме того, несмотря на довольно распространенную среди психологов практику обращения к материалу рисунков, только в последнее время стали появляться работы, в которых представлена попытка систематического обоснования самой возможности подобной интерпретативной работы, дается анализ научного статуса получаемых интерпретаций невербального материала и обсуждаются возможные критерии оценки валидности интерпретации [см., например: Rose, 2001]. Многие вопросы, касающиеся интерпретации визуального материала, по-видимому, еще ждут своих исследователей. Так что это — поле возможной будущей работы.

Данное нами определение качественных исследований акцентируется на технических аспектах, что делает его несколько механистичным и поверхностным. Однако качественные исследования сегодня – это не только особая технология, это прежде всего своеобразное «мировоззрение»; именно с их развитием связаны наиболее жаркие дискуссии по поводу статуса знания, критериев научности, понимания истины и т.п.

Развитие качественной методологии исследования во второй половине XX столетия далеко не случайно. В психологии критика в адрес традиционной естественно-научной методологии неоднократно высказывалась как теми, кто считает себя приверженцем альтернативных (герменевтических) подходов в психологии, так и теми, кто в целом ориентирован на развитие психологии по образцу естественных наук. В числе последних можно назвать такого виднейшего методолога психологии, как К. Левин. Левин негативно относился к засилью в психологии наивного эмпиризма, предполагающего возможность обосновывать научный опыт данными непосредственного чувственного восприятия. По его мнению, принципиальным для развития психологии является поворот ее от «аристотелевской» науки, занимающейся поиском статистических взаимосвязей между феноменами, к науке «галилеевской», одной из основополагающих черт которой является открытие «чистых» закономерностей, имеющих статус всеобщности и необходимости, что, в свою очередь, предполагает манипулирование идеальными объектами и глубокое изучение индивидуальных случаев [см.: Левин, 1990].

Другая ветвь критики, доминирующей в психологии практики исследования, более радикальна и связана с обоснованием невозможности строить психологию по образцу естественных наук. Сегодня можно говорить о двух основных аспектах этой критики. Во-первых, – и этот аспект мы бы назвали «жизненно-практической критикой», – академическая психология слишком оторвана от жизни, ее построения искусственны, она оперирует конструктами, которые невозможно применять для анализа повседневных человеческих проблем; кроме того, основная ветвь академической психологии, ориентированная на scientизм и количественные экспериментальные методы исследования, не в состоянии ассимилировать богатейший опыт, накопленный в рамках практической психологии и психотерапии, что порождает в психологии внутренний раскол, или «схизис» [см.: Василюк, 2003].

Во-вторых, – и этот аспект критики можно назвать «антропологической критикой» (она известна в основном по работам гуманистических и экзистенциальных психологов), – естественно-научная методология в психологии не позволяет постичь человека в его целостности, она редуцирует его до уровня механического объекта. При таком подходе «человеческое в человеке» – его ценностно-смысловая сфера, способ-

ность к самотрансценденции и самодетерминации — оказывается «за кадром». В отечественной психологии критика такого рода принадлежит, в частности, Б.С. Братусю, предпринявшему попытку прояснить особенности образа человека, подразумеваемого тем или иным психологическим подходом [см.: Братусь, 1997].

В последней четверти XX в. в работах представителей социального конструкционизма и дискурсивной психологии появился еще один тип критики, который можно назвать «культурно-исторической критикой». Согласно авторам, относимым к названным направлениям, научные методологии — это определенные дискурсивные практики, сложившиеся в тех или иных социоисторических условиях [см., например: Джерджен, 2003]. С этой точки зрения традиционная естественно-научная методология в психологии и эксперимент как основной метод, на который она ориентируется, могут рассматриваться лишь в качестве одного из возможных риторических приемов поиска «истины». И их оценка предполагает не столько ответ на вопрос, соответствуют ли они некой универсальной человеческой сущности, сколько соотношение их с целостным культурно-историческим ансамблем, ответ на вопрос о том, насколько ценностные регулятивы и нормы научного исследования в традиционной академической психологии отвечают ожиданиям и требованиям современной культурно-исторической ситуации — в философии, в методологии научного и социального познания, в культуре в целом. Односторонняя направленность научной психологии на квантификацию данных и статистические обобщения в контексте современной культуры выглядит очень архаично. Однако было бы, безусловно, нелепо полностью отвергать ценность статистических исследований в психологии: подобный жест тотального отвержения не менее (если не более) архаичен, чем некритическое следование какому-либо образцу как единственно верному. Скорее, сегодня речь должна идти об относительной ценности и относительной же ограниченности любой парциальной методологии. С этой точки зрения естественно-научная методология в психологии вполне необходима для решения определенных — но весьма локальных — задач.

Безусловно, многие из тех, кто высказывал критику в адрес традиционной естественно-научной методологии в психологии, предлагали свои позитивные программы исследования. И ориентацию на качественные методы исследования тоже можно рассматривать как одну из таких программ, которые призваны преодолеть отмечаемые критиками недостатки «естественно-научного» подхода. Ориентируясь на использование естественного языка и понимание жизненных проблем и жизненных смыслов респондентов, исследователь-«качественник» оказывается гораздо ближе миру повседневных практик, чем экспериментатор. Благодаря отсутствию жестких конструктов и более открытому характеру качественные исследования позволяют диалогич-

чески постигать особенности жизненного мира респондентов, их способы интерпретации событий и отношений и пути придания смысла последним, что делает эти исследования особенно актуальными для сферы консультативной психологии. Качественные исследования дают гораздо больше возможностей для проявления субъектных свойств респондентов, поскольку предполагают свободные ответы, диалог и направлены на активное конструирование смыслов участниками диалога. И, наконец, они в значительной степени отвечают современной ситуации в познании, тесно связаны с методологией герменевтики и «интерпретативного поворота», характерного для философии и социальных наук второй половины XX в. Впрочем, как утверждают некоторые авторитетные авторы [см., например: Kleining, Witt, 2001], качественные методы исследования вполне созвучны не только методологии герменевтики, ориентированной на интерпретацию и понимание, но и методологии эвристики, цель которой — научные открытия. Кстати сказать, последняя стала весьма популярна в последнее десятилетие, и связано это с новой популярностью методологии «единой науки», исходящей из идеи глубинного родства естественно-научного и гуманитарного знания.

По вопросу общности/отличия мы разделяем точку зрения, согласно которой науки о человеке продолжают сохранять свою специфику, несмотря на наблюдающееся в последнее время движение к объединению наук. В социогуманитарных науках требуется не только наблюдение, но и участие: в них мы не просто придаем значения наблюдаемым вещам, но должны эксплицировать уже данные значения, т.е. если естественные науки дотеоретическое знание замещают верным теоретическим, то гуманитарные и социальные науки это дотеоретическое знание эксплицируют, выводят наружу. В этом смысле гуманитарное знание в чем-то подобно искусству, которое позволяет представить знакомое имплицитно в ясном свете сознания. Затронутый нами вопрос далеко не прост: в западной психологии его обсуждение под влиянием идей Л. Витгенштейна и аналитической философии вылилось в концептуализацию проблемы ментальных понятий. Должны ли мы в психологии пользоваться естественным языком или создавать искусственный (язык нейронных сетей, например)? На этот вопрос также можно ответить по-разному. Но если мы все-таки выбираем естественный язык, нам никуда не деться от необходимости прояснения того «шлейфа» значений, которые он за собой несет, будучи употребляемым в контексте повседневных практик.

Кроме того, в отличие от данного нам физического мира, которым занимаются естественные науки, социальный мир мы в некотором смысле создаем сами. Безусловно, каждый из нас появляется в мире уже существующих символических структур — мы не придумываем его заново. Но символические структуры — не абстракция (в духе посту-

лируемого Лаканом Символического): они существуют только в виде постоянного воспроизводства в рамках реальных отношений между людьми и могут меняться (хотя и медленно) посредством изменения этих отношений. Мы, можно сказать, живем между структурой и перформансом. И как любой исследователь в области социогуманитарных наук, психолог всегда включен в производство и воспроизводство циркулирующих в обществе дискурсов, а потому он просто не может быть ценностно нейтральным. Социальное исследование всегда является выражением определенных интересов, тесно связанных с властными практиками общества. Поэтому для исследователя в области социальных и гуманитарных наук особое значение приобретает рефлексивный компонент исследования: какую социальную позицию я занимаю, какое социальное действие я произвожу посредством собственной речи, какой в конечном счете служу идеологии и т.п. Когда говорят о том, что психологи должны быть ближе к практике, сама практика, на наш взгляд, нередко понимается чересчур узко: нам нужно иметь в виду не только профессиональную практику, но весь набор социальных практик, в которые неизбежно включен исследователь. Социальная ответственность психологов — это не громкие слова, а требование реальности: исследователю слишком легко стать адептом идеологии, для него неприемлемой и даже отвратительной.

Говоря о методологии качественных исследований, под «методологией» мы имеем в виду рефлексивное описание принципов научного исследования, т.е. своего рода «самосознание» научной деятельности (безусловно, как любое «самосознание», методология может оказаться неадекватной рассматриваемой ею научной деятельности) [Белановский, 2001]. Таким образом, можно надеяться, что настоящая работа представляет собой одну из попыток рефлексивной реконструкции принципов научного качественного исследования в психологии; во всяком случае, именно такова была изначальная интенция ее написания.

В настоящее время уже никто не говорит о рефлексивном знании как о высшей форме знания (а методология, как об этом говорилось ранее, — род рефлексивного знания). Рефлексивное знание — лишь одно из многих, оно рядоположно другим формам знания. И в быденной, и в профессиональной жизни нам доступно практическое знание, лишь ничтожную часть которого мы способны четко выразить словами. Мы обладаем «молчаливым» знанием — знанием «на кончиках пальцев», «на острие взгляда», — знанием, принципиально не артикулируемым в языке. Вместе с тем, хотя рефлексивное знание лишилось своего привилегированного статуса, в ряду других форм знания ему предназначены свои важнейшие функции. Рефлексия — это постановка под вопрос условий возможности собственного опыта, исследование предпосылок, позволяющих именно так, а не иначе смотреть

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ 1. КАЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ: «ФИЛОСОФИЯ МЕТОДА»	12
Глава 1. Социокультурные предпосылки и философские основания качественных исследований	12
§ 1.1. Методический и методологический смысл дихотомии качественного/количественного	15
§ 1.2. Социокультурные предпосылки исследовательских традиций в психологии	21
§ 1.3. Философские основания качественных исследований: идеи философской герменевтики, феноменологии, социального конструкционизма и постструктурализма	30
§ 1.4. Многообразие качественных подходов	71
Глава 2. Качественные исследования в контексте современных представлений о научной рациональности	84
§ 2.1. «Позитивистское перенапряжение» психологии	87
§ 2.2. Конструктивистские тенденции в современной философии науки и качественная исследовательская методология	93
§ 2.3. Обоснование достоверности знания в методологии гуманитарных наук	99
§ 2.4. Проблема качества качественных исследований: прин- ципы научной и этической валидации	116
ЧАСТЬ 2. ТЕХНОЛОГИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	143
Глава 3. Особенности планирования и проведения качественного исследования	143
§ 3.1. Концептуализация исследовательского вопроса и типы исследования	144
§ 3.2. Начало исследования	146
§ 3.3. Исследовательские вопросы и вопросы для респондентов	153
§ 3.4. Формулирование вопросов для респондентов	157
§ 3.5. Формирование выборки респондентов	166
§ 3.6. Исследование случая (<i>case study</i>)	177
Глава 4. Анализ качественных данных	190
§ 4.1. Техника кодировки и категоризации значений (качествен- ный контент-анализ)	192
§ 4.2. Анализ данных в подходе обоснованной теории (<i>grounded theory</i>)	210
§ 4.3. Техника конденсации смысла	224
§ 4.4. Феноменологическое описание	226
§ 4.5. Интерпретация в качественных исследованиях	236
§ 4.6. Дискурс-аналитические подходы в психологии	256
§ 4.7. Представление результатов	272
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
ПРИЛОЖЕНИЕ. Программа учебной дисциплины «Методология качественных исследований в психологии»	280